

Иллюстрации: [Полина Тимофеева](#) для ОВД-Инфо

06.02.2020, 17:24 [Вся Россия](#)

[СТАТЬИ](#)

Запрет определенных действий вместо ареста: «Яндекс-Такси», друзья и похороны

Суд **изменил** меру пресечения школьнику Кириллу Кузьминкину, обвиняемому в изготовлении бомбы, с домашнего ареста на запрет определенных действий. Алексей Полихович разобрался, как работает этот вид ограничения свободы в России.

Кириллу Кузьминкину запрещено выходить из дома с 10 вечера до 7 утра, получать и отправлять письма, общаться со свидетелями по его уголовному делу, их родственниками и защитниками, посещать массовые мероприятия, пользоваться интернетом и телефоном. С 30 октября подросток был под домашним арестом, а до этого почти год — в СИЗО. Запрет определенных

действий — это определенно более мягкая мера пресечения для него.

Если обратиться к статистике [Судебного департамента](#), за первое полугодие 2019 года в суды поступило 611 ходатайств о запрете действий для фигурантов уголовных дел, 545 из них были удовлетворены. Для сравнения, за те же полгода в СИЗО поместили 47951 человека, под домашний арест — 3107.

Запрет определенных действий как возможную меру пресечения ввели в апреле 2018 года. [Как говорится](#) в статье 105.1 Уголовно-процессуального кодекса, его используют, если нельзя избрать более мягкую меру пресечения. В этом случае более мягкой мерой считается подписка о невыезде.

Суд может запретить человеку выходить из дома в определенные часы, находиться в указанных местах или посещать определенные мероприятия, общаться с теми или иными людьми, пользоваться почтой, интернетом, а также автомобилем или любым транспортным средством, если обвинение связано с нарушением правил дорожного движения. Могут быть установлены несколько запретов из этого списка, либо все они вместе. Кроме того, человек обязан по требованию приходить в суд или к следователю.

При этом подозреваемому или обвиняемому не могут запретить вызвать по телефону скорую помощь, полицию, аварийные службы, если потребуется, даже если суд установил запрет пользоваться телефоном. Однако о нарушении запрета человек должен сообщить УФСИН.

Если человека госпитализируют, запреты продолжают действовать — только запрет не выходить из дома переносится на больницу.

«А ПОЧЕМУ БЫ НЕ ЗАПРЕТИТЬ ХОДИТЬ В ОРАНЖЕВЫХ ШТАНАХ?»

В политических и резонансных делах запрет определенных действий применяется, например, в некоторых делах «Свидетелей Иеговы», в деле сестер Хачатурян, а также в делах о неоднократных нарушениях на митингах в отношении активистов Вячеслава Егорова в Коломне и Андрея Боровикова в Архангельске.

По словам адвоката Егорова Марии Эйсмонт, в зависимости от количества запретов и их строгости эта мера пресечения может быть ближе к домашнему аресту или, наоборот, к подписке о невыезде.

После задержания Егорова поместили под домашний арест, а спустя шесть месяцев следствие ходатайствовало уже о запрете действий. Егорову запретили пользоваться интернетом, выезжать из Москвы и Московской области, посещать любые массовые мероприятия и общаться с фигурантами уголовного дела, среди которых было много близких друзей и приятелей активиста. Ходатайство обвинения запретить выход из дома с 22 часов до 6 суд отклонил.

«Они это подали под соусом, что мне нужно работать и зарабатывать деньги, — рассказывает Егоров. — Было смешно, только через полгода они решили, что пора бы и подзаработать мне денег, потому как у меня дети есть, хотя мы твердили им об этом раньше. В момент проведения каких-либо мероприятий я должен был находиться дома. Тысяча мероприятий в области и Москве проводится, то есть я должен находиться дома все время. Глупость несусветная. При каждом продлении втыкали пункт про запрет выходить ночью, каждый раз суд отвергал. Они опротестовывали, вторая инстанция утверждала решение первой. Абсолютно глупое требование, без аргументов, без обоснований.

А почему бы не запретить Егорову ходить в оранжевых штанах?»

До ареста активист работал менеджером проектов и коммерческим директором — эти занятия невозможно было продолжать из-за запрета пользоваться интернетом. «Как работать вообще в современном мире без интернета? Как работать при такой специализации? Никак. Либо я нарушаю запрет, либо не нарушаю, но тогда не могу работать.», — говорит активист.

Кроме того, Егоров подрабатывал таксистом, используя для этого сервис «Яндекс-Такси». Но так как приложение работает с помощью интернета, теперь Егоров не мог пользоваться и им. Защита просила следствие разрешить использование программы, аргументируя, что через нее невозможно писать посты или общаться с внешним миром — только пассажиры и карты местности. Но просьбу не удовлетворили.

«Что остается делать? Ну дворником, рабочим. Но у меня трое детей, я не могу работать за 20 тысяч рублей. Период был тяжелый, помогали родственники и друзья», — сетует Егоров.

Согласно постановлению суда, активист имел право встречаться не со всеми своими друзьями, даже если они хотели ему помочь. Те, кто попал в дело как свидетели, считались фигурантами, а поэтому разговаривать с ними Егоров не мог. «С этими друзьями можно встретиться, с этими — нельзя, получается, встречаемся отдельными группами.», — рассказывает активист.

Еще более абсурдный запрет на встречи с людьми был в деле Андрея Боровикова. Ему запретили общаться со всеми участниками митинга, прошедшего 7 апреля 2019 года в Архангельске. Их было, по разным оценкам от 2 тысяч до 8 тысяч.

«Абсурд! — возмущается Боровиков. — Я просто физически не мог такое количество людей запомнить и наверняка нарушал запрет, сам того не зная. На мои жалобы в суд по этому поводу мне было сказано в коридорах суда, что суду наплевать на мои трудности».

И Боровикову, и Егорову запретили посещать массовые мероприятия. У обоих на ноге были браслеты, по которым сотрудники ФСИН могли следить за их передвижениями. «Ощущаешь, словно тебя приковали к стене и держат, — рассказывает Егоров. — Я был у Кости Котова на суде, фсиновцы по трекерам смотрят и спрашивают: „А где ты был? Ты участвовал в мероприятии или не участвовал? А напиши объяснительную“. Даже самые невинные действия приводили к тому, что приходилось писать объяснительную — например, что я делал на похоронах [правозащитника Сергея] Шарова-Делоне».

«БОЛЬШЕ ВАРИАНТОВ, ЧТОБЫ НЕ САЖАТЬ»

27 декабря суд **изменил** меру пресечения для Вячеслава Егорова на подписку о невыезде, разрешив использовать интернет и даже выезжать в соседние области по работе. В рамках его уголовного дела уже давно не происходит никаких событий. Егоров считает, что и самих следователей оно не очень устраивает, а дальнейшая его судьба связана с тем, как государство закрывает историю Константина Котова — активиста, которого приговорили к четырем годам по той же статье о неоднократных нарушениях на митингах. 27 января Конституционный суд **постановил** пересмотреть дело Котова.

Андрею Боровикову назначили 400 часов обязательных работ по приговору суда, меру пресечения в связи с этим отменили. Недавно прокуратура просила ужесточить наказание для Боровикова, но суд **отказался**.

Комментируя свой опыт, Егоров называет запрет действий «мнимой свободой». «Ты зажат в рамках, в подвешенном состоянии. Конечно, ты более свободен, [чем под домашним арестом], я уже не говорю о законности применения меры пресечения ко мне вообще», — отмечает он.

Адвокат Егорова Мария Эйсмонт считает применение запрета определенных действий в целом позитивным явлением: «Хорошо, что ввели новую меру пресечения, стало больше вариантов, чтобы не сажать. Просто можно запретить не общаться с кем-то человеку, а не сажать его. И в отличие от залога, который редко разрешают, запрет действий работает».